

Представляется, что гендерные параметры не должны никак влиять на право, и действовать на всех лиц, совершивших преступление, одинаково.

Однако на практике в странах СНГ, в которых предусмотрена смертная казнь, она может применяться исключительно к мужчинам. Что касается пожизненного лишения свободы, ограничения в его применении, обусловленные учетом репродуктивных особенностей субъектов, различны. Так, по уголовному законодательству РФ, и стран СНГ данный вид наказания не применяется к женщинам вообще, вне зависимости от характеристик совершенного деяния, личности виновной и т. п.

Во-первых, ряд актов международного стандарта налагает запрет на назначение смертной казни только беременным женщинам, а не женщинам вообще «в силу равного для мужчин и женщин права пользования всеми гражданскими и политическими правами» (Международный пакт о гражданских и политических правах и т. д.).

Во-вторых, с позиции развития мировой криминологической ситуации как раз женская преступность характеризуется наибольшим абсолютным приростом и структурным «утяжелением». Более последователен и адекватен в этом отношении законодатель Армении и Украины, устанавливающий соответствующее ограничение только в отношении женщин, находившихся в состоянии беременности в момент совершения преступления или на момент вынесения приговора.

Подводя вывод вышесказанному, хочется сказать, что в УК РФ надо решить проблему, связанную с гендерным неравенством. Было бы логичным изложить новую статью, по которой женщинам, совершившим тяжкие преступления, связанные с убийствами нескольких десятков людей, также давали пожизненное заключение и ссылали в колонии строгого режима.

Меерсон В. Р.

**К ВОПРОСУ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЙСТВИЯ, ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИЕ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ (ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

Меерсон Владислав Романович, адъюнкт 3 года обучения Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия, pochta-elektro@tut.by

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Кадников Н. Г.

В настоящее время активно развиваются интеграционные процессы между Республикой Беларусь и Российской Федерацией в различных областях государственного управления. Обмен опытом, двустороннее сотрудничество,

немаловажны для качественного противодействия преступности, в том числе и в сфере функционирования пенитенциарных учреждений. Несмотря на особенности близкого взаимодействия двух стран и взаимного стремления к гармонизации законодательств, до настоящего времени нет единства в подходах к пониманию различного рода уголовно-правовых институтов. Прежде всего следует обратить внимание на расхождение в регламентации и содержании в Уголовных кодексах двух стран такого преступления, как дезорганизация функционирования исправительных учреждений (мест содержания под стражей).

Сравнительно-правовое исследование уголовно-правовых норм, направленных на противодействие преступлениям, дезорганизирующим деятельность исправительных учреждений, в настоящее время обладает особой актуальностью. В частности, научный интерес представляет рассмотрение ст. 321 УК Российской Федерации и ст. 410 УК Республики Беларусь, выделение специфики объективных и субъективных признаков составов соответствующих преступлений. Указанные преступления характеризуются высоким уровнем латентности, многие деяния, содержащие признаки анализируемых составов, могут расцениваться администрацией пенитенциарных учреждений как дисциплинарные правонарушения. Вместе с тем высокая превентивная направленность данных норм, необходимость принятия решений о правильной квалификации подобного рода деяний, отсутствие современных исследований, касающихся данной тематики (в особенности в уголовно-правовой науке Республики Беларусь), обуславливают необходимость в достаточно детальном изучении и рассмотрении указанного преступления.

В правоприменительной практике и науке уголовного права Российской Федерации и Республики Беларусь в связи с применением исследуемой нормы усматриваются следующие проблемы:

- нет единства в понимании объекта рассматриваемого преступления, вызванного различиями в подходах национальных законодателей;
- возникают дискуссии по поводу определения субъекта данного преступления, что имеет серьезное значение при производстве по уголовным делам;
- в современной судебной практике, что крайне важно, отсутствуют толкования некоторых терминов, содержащихся в соответствующих статьях;
- отдельные квалифицирующие признаки не в полной мере соответствуют складывающимся в настоящее время охраняемым общественным отношениям, некоторые из отягчающих обстоятельств вовсе не учитываются;
- законодателем не принимается во внимание специфика современного развития органов уголовно-исполнительной системы (мест содержания под стражей);

– в силу указанных обстоятельств, в некоторых случаях, возникают ошибки в процессе квалификации, а также при разграничении со смежными составами преступлений.

Таким образом, существующие в настоящее время конструкции статей, предусматривающих уголовную ответственность за действия, дезорганизующие функционирование учреждений уголовно-исполнительной системы, требуют детального анализа, а также определенной редакции в целях гармонизации и совершенствования уголовного законодательства союзных государств, устранения сопутствующих проблем при правоприменении, повышения эффективности борьбы с преступностью осужденных (заключенных).

Нагорная А. Д.

**ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ,
УСТАНОВЛИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧАСТНОСТЬ
К СУИЦИДУ**

Нагорная Анастасия Дмитриевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nagornaad@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пухов А. А.

Первые упоминание о самоубийстве появляются в Церковном уставе князя Ярослава Мудрого, где самоубийство рассматривается лишь в контексте принуждения или воспрепятствования браку. В свою очередь, в тексте Русской Правды не содержится норм, устанавливающих ответственность за деяния, инспирирующие суицид.

Судебник Казимира 1497 г., Статуты ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. также не содержат норм права, устанавливающих ответственность за деяния, представляющие собой склонение или принуждение к самоубийству.

В последующем, только в Уложении 1845 г. появилась глава 2 раздела X, посвященная деяниям, связанным с суицидом. Глава содержала нормы, устанавливающие ответственность как за доведение до самоубийства, так и за способствование его совершению путем предоставления средств или иной помощи (ст. 1475). В свою очередь, ст. 1476 содержала состав преступления, инспирирующего самоубийство, специальным субъектом которого являлся родитель или опекун потерпевшего. Кроме того, в Уложении предусматривалась ответственность как за само самоубийство, так и за попытку его совершения. Она выражалась в определенных религиозных и гражданско-правовых ограничениях. Например, лишение возможности христианского погребения, обязательное духовное покаяние, недействительность предсмертных распоряжений, а также недействительность оставленного завещания. В таком виде данные нормы были сформулированы также в последующих редакциях уложения 1866 и 1885 гг., изменялась лишь нумерация статей.